

**ОТРАЖЕНИЕ ПРАВА НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО В
ПЬЕСЕ А. П. ЧЕХОВА «ДЯДЯ ВАНЯ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
АМЕРИКАНСКОГО ПРАВОВОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.**

Рыкованова И. Е.

**Научный руководитель: Дробышевский Сергей Александрович Доктор
юридических наук ФГАОУ ВПО Сибирский федеральный университет
Юридический институт Заведующий кафедрой истории государства и права
ФГАОУ ВПО Сибирский федеральный университет
Юридический институт**

В американской правовой науке довольно часто можно встретить обращение к литературным источникам. В частности, особый интерес вызывает статья Джона Уэстона: ««Дядя Ваня»: Взгляд Чехова на проблему человеческого достоинства». В этой статье, вышедшей в декабре 1967 года, в «TheEnglishJournal» речь идет об отражении права на достоинство личности в одной из самых знаменитых пьес А. П. Чехова.

Как известно, в этой пьесе звучит знаменитая фраза о красоте. Дж. Уэстон, анализируя произведение Чехова, прежде всего пишет о соотношении понятий красота и достоинство. По его мнению многие, начав писать о достоинстве и красоте, пишут прежде всего о людях достойных. Однако с точки зрения Уэстона это далеко не одно и то же. Ведь можно искать красоту как в свободном движении белопарусных кораблей и в бесценных музейных картинах, так и в простых туристических панорамных взглядах на величественный вид природных созданий. Чехов напишет красноречивые предложения наполненные помпезностью и роскошью и немного другим. Другие устремятся за ним расточать свое собственное красноречие, и после поспешат осматривать следующие обдуманые чудеса с надеждой, что жизнь безусловно покоится там.

Антон Павлович Чехов видел жизнь с ее комедиями и трагедиями, там, где немногие другие до него ее когда-либо видели. Он обнаружил, что зло определенно расположено посреди пустословия, ежедневной мелочности, и может жить в душах ничем не примечательных людей: без пороков и без добродетели. Но он также обнаружил и неприкосновенную красоту, причем среди этих же людей, когда они были честны и отважны, и когда они не были ленивы. Чехов видел этико-эстетическую красоту, которую люди, о которых он писал, не могли видеть. В Чеховской драматургии мы встречаем персонажей, ищущих любовь, или развлечение, или удовлетворенность, или достоинство, тем временем когда это все находится прямо у них под рукой, если бы они только могли увидеть и понять.

Сначала пустые споры и болтовня героев пьесы надоедают читателю – следует признать, что даже осведомленный читатель, который осознает, что Чехов стремится показать этими разговорами их неестественную банальность, как говорит Мирский, «отсутствие понимания между людьми, невозможность для одного человека чувствовать так же, как другой¹», может быть утомлен кажущимся пустословием. Разгадка к пониманию, для чего Чехов использует банальности и тривиальные разговоры, может быть найдена при рассмотрении образов героев. Что говорит герой, в действительности, зависит от того, кому он это говорит. Кроме явной повседневности с помощью которой Чехов выражает чувства и мысли своих героев, каждая речь - это момент понимания этого героя и того, какой он человек, и какую реакцию можно от него ожидать под различным воздействием. Кисть Чехова использует разные краски, начиная от монохромных палитр (ими Станиславский считал,

¹D. S. Mirsky, A History of Russian Literature (New York: Vintage Books, 1958), p.331.

«интуицию чувств», основу успеха Московского Художественного Театра в пьесах Чехова). Так тонко понять особенности творчества А. П. Чехова, как это сделал в своей статье Дж. Уэстон, может только большой знаток российской культуры. В дальнейшем изложении Уэстон еще больше убеждает нас в этом мнении. Он дает такой глубокий анализ пьесы Чехова, что читатель убеждается в его искренней любви к русской культуре. Кроме того, он хорошо понял значимость права на достоинство для русского человека, и это тоже отражается в его статье. Уэстон особо заботится о различном понимании феномена достоинство в зависимости от качества перевода.

Нельзя не согласиться с Уэстоном в том, что атмосфера в пьесах Чехова может возвышаться над сюжетом. При этом Уэстон спорит с другими критиками и пишет, что говорить, что нет темы, сюжета и действия означает пытаться осудить Чехова в театральных стандартах, которые за пределами его мировоззрения. Безусловно, такое осуждение основывается на восприятии Чехова как писателя-реалиста и представлении о том, что в реальной жизни нет сюжета. Как бы то ни было, как только у автора появляется план преподнести, хотя бы «кусочек жизни», которую он сформировал с помощью материальных ограничений его творчества, есть не что иное, как основа. В пределах этой основы есть начало, проблема, кульминация и заключительная часть. Драматическое противоречие в пьесах Чехова перемещено во внутреннюю плоскость. Конфликт равносителен одному хорошему, но бесцельно существующему человеку в суровой действительности, столкновения мечты и реальности обыкновенной жизни. Это правда, что эти конфликты очень редко распознаются через чрезвычайно драматичные действия, но они есть и они выражены через эмоции, мысли и взаимоотношения персонажей. Эти сложные человеческие отношения редко решают что-либо, редко означают радикальные изменения в жизни героя, но они делают видимым то, что хотел бы донести автор: противоречивость и самодостаточность (как составляющая достоинства) заурадной жизни.

Тематика пьес Чехова – это тематика жизни, и она на столько сложна и в тоже время проста как реальная жизнь. Его две главные темы, согласно Магаршаку², это смелость и надежда, и разрушение красоты теми, кто слеп к ней. Обе они могут быть найдены в пьесе «Дядя Ваня». В то же время, эта красота, описанная Чеховым, духовная, а не физическая. Это не значит, что герои в мире Чехова лишены физической красоты, также, как и то что духовно красивые всегда проявляют себя лучше, чем другие. Критерий красоты лучше всего выражен Астровым в «Дяде Ване». Высказываясь об Елене Андреевне, он говорит:

В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своей красотой — и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие... Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистой.³

Он говорит это Соне, воплощению смелости и духовной красоты, для которой Чехов написал его самый лучезарный параграф в конце пьесы «Дядя Ваня». Как говорит автор, Астров слеп к о всем качествам красоты, о которых сам же говорит.

Исследование одной из лучших пьес А. П. Чехова с точки зрения американского правового литературоведения имеет большой интерес для российской науки, потому что Дж. Уэстон приходит к весьма примечательным для сегодняшних российской правовой деятельности выводам. Так несмотря на всю физическую красоту отдельного персонажа его нельзя назвать достойным если ему в полной мере присущи лень, вялость, пагубность духа, самоуспокоенность. К сожалению, в современной российской правовой доктрине все чаще можно увидеть указание на достижение удобства и комфортных целей существования страны. Однако возникает опасение не

² David Magarshak, Chekhov the Dramatist (London: John Lehmann, 1952), p. 165.

³ Anton Chekhov, Uncle Vanya from The Plays of Anton Chekhovs, trans., Constance Garnett (New York: Random House), p. 209.

приведет ли такое восхваление комфортных условий и гламурной красоты к распространению лени и самоуспокоенности.

Великий писатель Чехов прожил не долгую жизнь во многом потому, что презрев комфорт, не обращая внимания на свое здоровье по русскому бездорожью поехал на Сахалин с целью улучшить жизнь русского народа. Современные российские юристы должны изучать подвиг А. П. Чехова и знать, что о достоинстве человека в его произведениях пишут западные ученые.